

Pierre Rosanvallon

LE CAPITALISME
UTOPIQUE

HISTOIRE DE L'IDEE DE MARCHE

Пьер Розанваллон

УТОПИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ

ИСТОРИЯ ИДЕИ РЫНКА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА» 2007

УДК 321
ББК 66.03
Р64

Виктор Каплун

ПЬЕР РОЗАНВАЛЛОН: НЕУСТРАНИМОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО

(предисловие научного редактора)

Редактор серии
Илья Калинин

Розанваллон П. Р. Утопический капитализм. История идеи рынка/

*Перевод с французского А. Зайцевой. Научная редакция,
редакция перевода и предисловие В. Каплуна.— М.: Новое
литературное обозрение, 2007. — 256 с.*

Пьер Розанваллон — профессор Коллеж де Франс, один из самых авторитетных европейских политических теоретиков, специалист по истории и теории демократии. В книге «Утопический капитализм. История идеи рынка», выдержавшей во Франции три издания, Пьер Розанваллон описывает процесс возникновения в европейской социальной и политической мысли одной из наиболее влиятельных идей эпохи современности, идеи общества как рынка — саморегулирующегося, гармоничного, прозрачного для самого себя. Эта созданная политической экономией XVIII века утопия до сих является одной из основ современного либерального мировоззрения.

УДК 321
ББК 66.03

ISSN 1813-6583
ISBN 978-5-86793-570-2

© Editions du Seuil, 1979 et 1999 ©
В. Каплун, предисловие, 2007 ©
Художественное оформление:
«Новое литературное обозрение», 2007

Пьер Розанваллон — один из самых авторитетных политических теоретиков в сегодняшней Франции. Непросто охарактеризовать его академическую принадлежность. С точки зрения традиционных дисциплинарных делений его творчество располагается на стыке политической и социальной истории, политической философии и социологии. В узком смысле он — историк и теоретик демократии; в широком — историк политической мысли и форм политического участия граждан, теоретик современных структурных трудностей и кризисов демократического правления, а кроме того — социальный критик и публичный интеллеktуал, настаивающий на необходимости новых институциональных форм демократии и новых практик политического участия в условиях современного мира.

С начала 1980-х годов Пьер Розанваллон — профессор Высшей школы социальных исследований в Париже (EHESS). До своего избрания в Коллеж де Франс он руководит здесь Центром политических исследований им. Раймона Арона. В 2001 году Розанваллон избирают профессором Коллеж де Франс, где для него учреждается кафедра «Новой и новейшей истории политического». Коллеж де Франс — самое престижное академическое учреждение Франции с особой, исследовательской и одновременно «просветительской», спецификой. Факт избрания сюда во французской академической среде традиционно является признанием высочайших интеллектуальных заслуг в соответствующей области исследований. Одновременно с избранием нового профессора для него обычно создается новая кафедра, которая получает название, соответствующее его текущим исследовательским интересам. Коллеж де Франс не является в строгом смысле слова учебным заведением и не выдает никаких дипломов; лучшие французские профессора (а с недавнего времени и иностранцы) читают здесь публичные

лекции, открытые для всех желающих, — обычно в тех областях исследований, открывателями которых сами же и являются.

Имя Пьера Розанваллона давно хорошо известно специалистам. Однако достоянием широкой публики за пределами Франции его творчество стало сравнительно недавно, когда стали появляться английские переводы его книг и статей — гораздо позже многочисленных переводов на другие языки. Вот несколько издательских отзывов на книгу *Democracy Past and Future* (Columbia University Press, 2006) — первый по-настоящему представительный сборник работ Розанваллона на английском языке (цитирую с интернет-сайта Колумбийского университета):

«Сборник дает... очень интересный образец труда одного из самых оригинальных и проницательных политических мыслителей сегодняшнего дня. Сочетание предлагаемых Розанваллоном тщательнейших исторических реконструкций и глубокого анализа современных проблем открывает в высшей степени продуктивные, способствующие более ясному пониманию новые перспективы на проблемы сегодняшнего дня и их исторический генезис» (Чарльз Тэйлор, McGill University)¹.

«Пьер Розанваллон — замечательный политический мыслитель, прошивающий новый свет на теорию и практику демократии. Данный сборник открывает его очень значимое творчество для англоязычной аудитории. Он обогатит наше понимание рисков и возможностей демократической политики» (Майкл Сэндел, Harvard University).

«Перед нами — важная книга, демонстрирующая блеск и релевантность творчества Пьера Розанваллона. Пришло время сделать доступными для англоязычной публики другие его работы. Всем, кто интересуется демократической теорией и практикой, следует прочесть эту книгу» (Джин Коэн, Columbia University)¹.

Можно лишь присоединиться к этим отзывам и выразить надежду, что работы П. Розанваллона окажутся не менее интересными и для российского читателя.

* * *

«Утопический капитализм. История идеи рынка» — одна из ранних книг П. Розанваллона. Во Франции она с изменениями и дополнениями переиздавалась трижды (1979, 1989, 1999). В ряду

¹ <http://www.columbia.edu/cu/cup/catalog/data/023113/0231137400.HTM>

прочих книг Розанваллона (к 2007 году он — автор 14 монографий, не считая книг, написанных в соавторстве) эта работа занимает особое место. Скажем несколько слов о содержании книги и о связи ее с общей интеллектуальной биографией автора.

В «Утопическом капитализме» Розанваллон описывает процесс восхождения на небосклоне западной социальной и политической мысли одной из наиболее влиятельных идей эпохи современности, идеи «рыночного общества» (термин Розанваллона) — саморегулирующегося, гармоничного, прозрачного для самого себя. Эта созданная политической экономией XVIII века концепция общества как рынка до сих пор является одной из основ современного либерального мировоззрения.

Как показывает Пьер Розанваллон, в концепциях нарождающегося экономического либерализма XVIII века рынок есть не просто техническое понятие, характеризующее способ регулирования экономической деятельности через систему свободно формирующихся цен и отражающее эмансипацию сферы экономики от сферы морали и сферы политики. Смысл идеи рынка, в первую очередь, социологический и политический. Концепция рынка, какой она формируется в XVIII веке, выступает в качестве наследника и одновременно антагониста концепции «общественного договора». Рыночное общество превращается в новый архетип представлений о социальном. Отныне не договор (и связанные с идеей договора политические институты), но рынок (через механизмы экономического обмена) оказывается истинным регулятором общества и определяет характер социальной связи между людьми. Не нуждаясь в посредничестве какой бы то ни было политической власти, которая по своему характеру всегда тяготеет к пристрастности и злоупотреблениям, «невидимая рука» рынка через нейтральные и безличные процедуры регулирования «автоматически» осуществляет координацию индивидуальных волей и обеспечивает непреднамеренную гармонию интересов. Каждый, стремясь к удовлетворению своих потребностей и преследуя свой личный интерес, непреднамеренно и невольно способствует благу всех. Общество (а не только экономика) в такой ситуации саморегулируется автоматически; полностью реализованное рыночное общество не нуждается в опосредовании какой бы то ни было политической волей и в политическом вмешательстве извне; его основной девиз — *laissez faire*. Оно не нуждается также в политической активности граждан, в общем форуме, где политические акторы сталкиваются лицом к лицу в открытом дебате. Нейтральные процедуры рыночного обмена сами необходимым и достаточным образом осуществляют общественную гармонию.

Реальный капитализм далек от этой теоретической идиллии экономического либерализма. Проследив развитие утопии рыночного общества в XVIII и XIX веках, от Адама Смита до Маркса, в самом широком теоретическом и практическом контексте эпохи, Розанваллон подводит читателя к мысли о принципиальной неустраимости сферы политического — политического вмешательства и регулирования, публичного политического дебата и политической активности граждан в рамках различных объединений и ассоциаций, служащих основанием гражданского общества. Сфера политического является также тем местом, где происходит конструирование «общего мира», где реализуется республиканский принцип типа сообщества как форума, без чего в конечном итоге невозможна организация общества, характеризуемого в терминах «гражданского состояния». Эта фундаментальная мысль о неустраимости сферы политического в современных демократиях станет главным ориентиром для всех последующих книг П. Розанваллона.

* * *

Какое место занимает книга «Утопический капитализм» в интеллектуальной биографии Розанваллона? Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы кратко описать общую интеллектуальную атмосферу во Франции в момент написания и первого выхода книги в свет. Чтобы лучше понять эту атмосферу, следует помнить об общей специфике академической жизни и интеллектуального труда во Франции. В соответствии с долгой культурной традицией, укоренившейся, как минимум, с эпохи Просвещения, «интеллектуал» во Франции есть фигура публичная; академические ученые, особенно если речь идет о социальных науках, нередко выступают здесь как «общественные деятели», а то и как «публичные политики». В годы, на которые приходится интеллектуальное становление П. Розанваллона (Розанваллону было двадцать лет в 1968 году, в момент, когда по Франции и Европе прокатилась волна студенческих волнений и всплеск профсоюзного движения), эта «политизированность» интеллектуального труда и «интеллектуализированность» практической публичной политики достигают максимального накала. Необычайно велик и интерес широкой публики к так называемой «академической» проблематике. В качестве примера приведу лишь один эпизод из биографии Розанваллона, хорошо иллюстрирующий общественную атмосферу во Франции в момент появления «Утопического капитализма».

В 1979 году, сразу после выхода книги в свет, Мишель Фуко, тогда уже профессор Коллеж де Франс, приглашает Пьера Розанваллона вместе с несколькими другими молодыми интеллектуалами принять участие в работе своих семинаров в Коллеж де Франс. В эти годы сам Фуко активно занимается темой либерализма и связанных с ним механизмов власти, рассматривая либерализм не как «идеологию», но как определенную парадигму, или набор практик, управления. П. Розанваллон участвует в работе приватного и публичного семинаров Фуко 1979-1980 годов, посвященных теме либерализма. Проблематика либерализма в целом привлекает к себе в этот период пристальное внимание в университетских кругах. Об атмосфере, царившей на семинарах в Коллеж де Франс, в которых участвует Розанваллон, можно судить по живописным воспоминаниям другого их участника, Дидье Делеля, в тот момент совсем молодого университетского преподавателя. Выпустив в 1979 году книгу «Юм и рождение экономического либерализма», Делель также получил от Фуко предложение присоединиться к работе семинаров:

«Я... в меру своих возможностей участвовал в работе приватного семинара, где было сравнительно небольшое число выступавших. <...> Каждый выступал на какую-нибудь одну очень конкретную тему², и за выступлением, как положено, следовала общая дискуссия. Атмосфера была непринужденной, очень доброжелательной; дискуссии были честными и открытыми. Те, кто был не согласен с докладчиком, высказывались без обиняков, что никогда не вызывало нежелательных последствий. Ни намека на враждебность или соперничество — поэтому можно было спорить с теми или иными тезисами выступлений, не опасаясь обидеть докладчика. На семинарах царила атмосфера свободной дискуссии, исключавшая какие-либо претензии на власть, — освежающая и, в конечном итоге, согласная с духом, характерным для Коллеж де Франс с момента его основания. Фуко, со своей стороны, слушал внимательно — как мне казалось, без каких-либо предпочтений *a priori* — не раскрывая тем не менее реальных конечных целей всего предприятия, даже если иногда и складывалось впечатление, что наибольший интерес вызывала у него в этот период Австрийская школа (в особенности фон Мизес и Менгер). Совершенно иной была атмосфера публичного семинара. Даже если вы предупреждены заранее о том, что вас ожидает, вы все равно неизбежным образом испытываете потрясение, когда, собираясь сделать доклад о "Шотланд-

² Доклад Пьера Розанваллона был посвящен Гизо (см. ниже) — В. К.

ской исторической школе" (тема, как принято говорить, для "широкой публики"), вы оказываетесь на сцене и видите перед собой огромную волнующуюся массу слушателей, зал, заполненный до отказа, плюс — для непоместившихся — установленные в коридорах радиоусилители. И посреди этого моря — Фуко, спокойный, скромно сидящий в своей "оркестровой яме", почти незаметный для взглядов публики — хотя вся эта шумная неразбериха была оркестрована, если можно так выразиться, исключительно для того, чтобы служить дополнительным выражением его славы. Атмосфера действительно живописная и скорее несообразная, вопросы, градом сыпавшиеся после доклада, — но в то же время это был случай, предоставлявший забавные возможности, приходилось отвечать быстро, оставаясь при этом серьезным и не изображая всезнания, невольно испытывая непреходящее удивление (и одновременно восхищение) при мысли о культурных мотивах, которые привели сюда всю эту разношерстную и в то же время столь страстно заинтересованную в происходящем публику»³.

А вот свидетельство самого Розанваллона о ситуации в социальных науках, сложившейся к этому моменту во Франции, и об интеллектуальном контексте, в котором появляется его книга:

«Интеллектуальная обстановка конца 1970-х годов представляла собой для классических социальных наук некое топтание на месте. Золотой век социальных наук — это 1960-е и до середины 1970-х. И в истории, в антропологии. После этого на какой-то период главным вопросом становится вопрос об основаниях демократии. Моему поколению, таким образом, пришлось, выражаясь школьным языком, назначить себе дополнительные занятия, чтобы нагнать программу. Мы знали наизусть Маркса, но по-настоящему не прочли Локка, Гоббса, Макиавелли... Тон в начале 1970-х задал Клод Лефор своей выдающейся книгой о Макиавелли. Хотя с точки зрения некоторых это выглядело как чистый и однозначный возврат к либерализму, общим вопросом для всех было реинтегрировать в интеллектуальное наследие таких авторов, как Токвиль, Констан, Кондорсе. В этот период близкими вещами, на свой лад и со своей спецификой, занимался и Фуко. В 1979 году я опубликовал "Утопический капитализм. Критика экономической идеологии" [подзаголовок книги в первом издании 1979 года — *В.Щ.* В книге было показано, почему рыночное общество рассмат-

³ ДелельД. Интеллектуальное наследие Фуко // Мишель Фуко и Россия / Под ред. О. Хархардина. СПб.: М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С. 82—83.

ривалось в XVIII веке как грядущая замена обществу договора, и почему Адам Смит был, в действительности, выдающимся оппонентом Руссо. Мишель Фуко в этот момент работает в точности над теми же темами. В этой связи он, впрочем, пригласил меня выступить в Коллеж де Франс с докладом о Гизо и посвятил одну из лекций комментарию к моему "Утопическому капитализму"⁴. Можно сказать, что одной из главных характеристик интеллектуального пейзажа Франции этого периода был окончательный отход значительной части левых интеллектуалов от догматического марксизма и их попытка предложить новые формы и концептуальные инструменты для осмысления современности на основе заново переоткрытого классического наследия нововременной политической мысли, начиная с Макиавелли.

Отметим параллельно, что в «Утопическом капитализме» Розанваллон рассматривает Адама Смита не только как оппонента Руссо, но также, и в первую очередь, как оппонента Макиавелли. Если Макиавелли первым среди авторов Нового времени оказывается теоретиком автономии политики как сферы, регулирующей общественные отношения, то Смит, наоборот, оказывается одним из первых теоретиков *отмирания политики*, утверждая ее ненужность и вредность в социальном мире, регулируемом безличными и нейтральными механизмами рынка⁵. В свою очередь, Маркс, критикуя буржуазную концепцию *естественной гармонии интересов*, являющейся теоретической основой экономического либерализма, опирается на концепцию *естественной гармонии людей*. И если рыночное общество Смита оказывается преодолением общества политики, теоретиком которого выступает Макиавелли, то коммунистическое общество Маркса выступает уже как преодоление рыночного общества, основанного на буржуазном понятии интереса. Как отмечает П. Розанваллон, Маркс, таким образом, «.. лишь дублирует и усугубляет политический регресс самого Смита и всей современности по отношению к Макиавелли»⁶. Отсюда, пишет Розанваллон, очень точная формула Клода Лефора: Маркс как «анти-двойник Макиавелли»⁷.

⁴ Un Intellectuel en politique. Entretien avec Pierre Rosanvallon (Propos recueillis par Sylvain Boumeau) / *Les Inrockuptibles*, № 566, 3 octobre 2006.

⁵ См. настоящее издание, глава 2 «Экономика как осуществление политики (рынок и договор)», § 4 «Адам Смит, анти-Макиавелли».

⁶ См. настоящее издание, глава 8 «Маркс и разворот либерализма», § 4 «От естественной гармонии интересов — к естественной гармонии людей».

⁷ Там же, с. 212, сноска 48.

* * *

Скажем теперь несколько слов непосредственно о биографии Розанваллона и об общественно-политическом контексте, в котором рождается его книга «Утопический капитализм».

Как и в теоретической работе, в биографической траектории Розанваллона направляющей идеей оказывается все тот же принцип неустраимости сферы политического. Подобно многим современным французским интеллектуалам, П. Розанваллон не рассматривает свою деятельность историка и «кабинетного теоретика» как нечто отделенное от своей деятельности публичного интеллектуала и от конкретных социальных и политических проблем и вопросов, перед лицом которых оказывается современное французское общество и, шире, любая политическая культура, апеллирующая к ценностям демократии. Характерная для французской культуры в целом связь интеллектуального труда с социальной борьбой и непосредственной политической жизнью сообщества в биографии Розанваллона прослеживается особенно четко.

В то же время для французского интеллектуала биография Розанваллона весьма необычна. В 1968 году двадцатилетний Пьер Розанваллон — студент Высшей школы коммерции (HEC), учебного заведения, которое в контексте французской академической системы предполагает совершенно иную карьеру, нежели будущая профессура в Коллеж де Франс и статус публичного интеллектуала. Одновременно он — активист студенческого профсоюза «Национальный союз студентов Франции», и активно участвует в бурной политической жизни Франции конца 1960-х. По окончании HEC он занимает ответственный пост в одном из крупнейших профсоюзов страны, «Французской демократической конфедерации труда» (CFDT), где отвечает за экономические исследования и руководит журналом профсоюза. Перед ним открывалась многообещающая карьера профсоюзного руководителя и политика. В возрасте 22 лет он руководит делегацией профсоюза на переговорах с владельцами предприятий об изменении системы минимального размера оплаты труда. В этот же период он вступает в Объединенную социалистическую партию (PSU), чтобы поддержать на президентских выборах 1969 года социалиста Мишеля Рокара, который станет одним из лидеров «вторых левых», движения институционального реформизма, попытавшегося осуществить обновление политической культуры левой части спектра политических сил во Франции 1970-х годов. Розанваллон становится одним из интеллектуальных вдохновителей этого левого реформистско-

го движения, противопоставившего себя как левым радикалам и коммунистам, так и традиционализму социалистической партии. Вспоминая о ситуации в общественной жизни Франции в этот период, с 1968 по 1980 год, Розанваллон выделяет в нем три этапа. Первый, с 1968 по 1973 год — момент глубоких потрясений во французском обществе, момент появления целого ряда новых общественных движений (в том числе феминистских, экологических и др.). Это момент, когда радикальные изменения в обществе ведут к его активизации, уже выходящей за рамки традиционных форм профсоюзной организации и борьбы. Второй этап, 1973—1978 годы — это собственно момент появления движения «вторых левых», вызванного — дадим слово самому Розанваллону — «стремлением дать политический выход социальному действию. Необходимо придать политический смысл уже появившимся новым общественным движениям. <...> Интеллектуальное пари «вторых левых» заключается в стремлении соединить культуру политического управления и культуру социального действия. <...> Это также период антитоталитарного движения, начинающийся в 1973 году с выходом в свет на французском языке «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына. Речь в этот момент идет не о том, чтобы двигаться в сторону «либерализованного» коммунизма, но о том, чтобы строить социализм, который стал бы альтернативой тоталитарной патологии. В этот же момент возникает альянс между политическим движением «вторых левых» и антитоталитарно ориентированными левыми интеллектуалами, в числе которых — бывшие коммунисты, покинувшие партию в 1956 году, от Эдгара Морена до Франсуа Фюре, говоря схематично, и такие теоретики, как Клод Лефор и Корнелиус Касториадис. На свой лад участвуют в этом процессе такие индивидуальности, как Мишель Фуко, с которым я познакомился, опубликовав в 1977 году «К новой политической культуре» совместно с Патриком Вивре. <...> Одновременно нужно было также брать власть внутри социалистической партии. Парламентские выборы 1978 года с декларацией Рокара по поводу архаизма левых станут возможностью для начала наступления. Но левые терпят поражение, и Рокар отступает перед Миттераном и проигрывает на съезде в Меце — это будет момент политической остановки для движения «вторых левых», которое останется критическим стимулом, но уже не сможет стать руководящей силой. Это — третий этап, с 1978 года до прихода левых к власти в 1981 году. В эти годы антитоталитарная мысль продолжает развиваться. В Высшей школе социальных исследований неформальный семинар объединяет Лефора, Касториадиса, Фюре,

Жюльера, Помьяна и более молодое поколение, мое, поколение Манена, Гоше, Манана. После попытки трансформировать марксизм до максимально возможной степени, мы попробовали начать заново на основе культуры классической политической философии...»⁸.

С точки зрения Розанваллона, политико-интеллектуальным вкладом «вторых левых» в трансформацию левого движения во Франции была критика «социал-этатизма» и акцентирование роли гражданского общества в противовес роли государства. Они стимулировали дискуссии о демократии на основе идеи самоуправления и критики тоталитаризма и одновременно выступили протагонистами линии реформизма как социального экспериментаторства⁹.

Приблизительно в тот же период, когда движение «вторых левых» начинает исчерпывать себя, Пьер Розанваллон окончательно решает отказаться от карьеры политика или профсоюзного деятеля и посвятить себя академической деятельности. В 1976 году, еще будучи секретарем CFDT и руководителем журнала профсоюза, он публикует свою первую книгу, «Эпоха самоуправления», ставя задачу «перехода от идеалистического анализа политики к реалистическому». Эта теоретическая задача соединяется для него в этот момент воедино с его политической деятельностью. В одном из поздних интервью он вспомнит о том, как произошел его окончательный поворот в сторону интеллектуального труда и как, в контексте этого поворота, родилась книга «Утопический капитализм»:

«Я бы сказал, что с определенной точки зрения в 1976—1977 годах моя политическая активность в поддержку Мишеля Рокара не отделяется от этой интеллектуальной задачи [перехода к реалистическому анализу сферы политики — *В.К.Ж.* Мишель Рокар выступает как политик, стремящийся соединить социальную критику, заботу о политической управляемости и реалистическое видение политики. И именно в этот период я совершил выбор в пользу интеллектуальной жизни, а не в пользу того, что могло бы в тот момент выглядеть для меня как некий "естественный путь", а именно — политической карьеры. Ибо некоторые, как Мишель Рокар, хотели бы, чтобы я вошел в политику. В CFDT многие также желали мне политической роли — все добрые феи склонялись тогда над моей колыбелью, подталкивая меня к политической карьере! Но жизнь состоит не только из рассчитанных поступков, я почувствовал, что предпочел бы, дабы придать ей оригинальнос-

⁸ Un Intellectuel en politique. Op. cit.

⁹ Op. cit.

ти, сменить политическую жизнь на жизнь интеллектуальную. Именно в этот период я познакомился с Франсуа Фюре, который поддержал меня в стремлении двигаться по этому пути. Одновременно желание помыслить сферу политики реалистически подтолкнуло меня к написанию "Утопического капитализма", представляющего собой историческое и философское размышление об утопиях социальной прозрачности. Именно определенное наивное видение политики было, как мне казалось, одной из матриц тоталитаризма. Тоталитаризм оказался возможным именно в силу отсутствия у него реалистического видения политических механизмов. Я написал свою третью книгу «Утопический капитализм» как исследование об истоках политического идеализма и представлений о полностью прозрачном для самого себя обществе. Я понял, что моей целью в этот момент должно быть изучение истоков либерализма, чтобы понять, каким образом либерализм появился в качестве отрицания политики и каким образом Адам Смит утвердился в качестве альтернативы Руссо. Адам Смит, в сущности, возник как автор, попытавшийся придумать, как обойтись без политики; как автор, полагававший, что существуют средства организовать общество и найти гармонию, не прибегая к общественному договору. <...> Когда в 1979 году я опубликовал эту работу, «Утопический капитализм», — жизнь состоит также и из случайностей — Франсуа Фюре опубликовал в "Нувель Обсерватер" очень лестный комментарий на мою книгу и предложил мне работу в Высшей школе социальных исследований. Это склонило меня к окончательному решению и выбору жизни интеллектуала»¹⁰.

В общую логику интеллектуальной и общественной деятельности П. Розанваллона полностью вписывается еще один яркий эпизод его биографии. В 1982 году он оказывается одним из организаторов и главных действующих лиц фонда им. Сен-Симона, особого рода «интеллектуального клуба», задуманного как место встреч университетских интеллектуалов и представителей делового мира. Президентом клуба становятся Франсуа Фюре и Роже Фору, один из авторитетнейших управленцев из среды «вторых левых», в разные годы руководитель крупных предприятий, директор престижнейшей Школы национальной администрации (ENA), министр промышленности и внешней торговли в правительстве Мишеля Рокара конца 1980-х. П. Розанваллон выполняет обязан-

¹⁰ Itineraire et role de l'intellectuel. Par Pierre Rosanvallon (Propos recueillis par Javier Fernandez Sebastian) / *Revista de Libros*. Madrid, 28 septembre 2006 (текст интервью см. на сайте: <http://www.college-de-france.fr>).

нести секретаря фонда вплоть до его самороспуска в 1999 году. В работе фонда принимает участие целый ряд известных специалистов в области социальных наук, представителей крупного бизнеса, руководителей государственных предприятий, высокопоставленных чиновников, профсоюзных деятелей и журналистов. По словам Розанваллона, «первоначальной целью было связать культуру управления и культуру социальных наук. Речь шла о том, чтобы дать новую глубину этой культуре управления в момент, когда левые пришли к власти [имеется в виду победа Миттерана на президентских и возглавляемой им социалистической партии на парламентских выборах 1981 года — В. К.] <...>. Кроме того, в деятельности фонда Сен-Симона нужно различать две разные вещи: с одной стороны, общественный клуб и, с другой — *think tank* [интеллектуальный исследовательский центр — В.К.]. Эти два вида деятельности были относительно разделены. В том, что касается *think tank*, я был единственным и полномочным распорядителем. Мы опубликовали около тридцати книг и более ста двадцати пояснительных записок, мы организовали целый ряд семинаров... Но предметом общего любопытства и внимания оказалась коллекция знаменитостей, пересекавшихся в общественном клубе; это были люди из разных сфер, все принадлежавшие к реформистским традициям, чиновники <...>, но также стремившиеся к реформам владельцы крупных предприятий <...>. Интеллектуалы, профсоюзные деятели, также журналисты. Но не следует преувеличивать значение этого клуба, который организовывал лишь восемь обедов в год...»¹¹.

В 1990-е годы фонд нередко становился объектом критики. Его упрекали одновременно в чрезмерном влиянии на внутреннюю политику Франции и в попытке установить своего рода интеллектуальную гегемонию в академической среде через влияние на издательский мир и мир медиа. Наиболее острая критика шла со стороны левой части политического спектра: клуб упрекали в том, что он выступает в качестве агента влияния либерализма, в попытке «очистить» пришедшие к власти левые силы от их марксистской культуры и обратить их к "современности" [modernité], т. е. к рынку»¹², в стремлении затушевать противоречия между правой и левой мыслью. Внимание к истории либеральной политической мысли, признание рыночной экономики и системы представитель-

¹¹ Un Intellectuel en politique. Op. cit.

¹² Bonelli L. Quand Pierre Rosanvallon fustige un «déficit de compréhension» *H Le Monde diplomatique*, mai 2006. P. 25.

ной демократии, обоснование необходимости определенного либерального реформирования государства, пусть и дополненные требованием новых институциональных форм политической активности граждан, новых форм самоорганизации, контроля и политического вмешательства со стороны гражданского общества, рассматривались «традиционными левыми» как идеологическое обоснование неизбежности традиционного капитализма.

В ответ на подобные упреки Розанваллон подчеркивал, что целью фонда была попытка «преодолеть определенный груз прошлого и покончить с предшествующей демонизацией всех видов культуры управления, чтобы интеллектуальным трудом открыть новое пространство для реформаторской мысли»¹³. Иными словами, задачей был поиск нового языка, новых концептов, которые бы позволили лучше понять сущность проблем современной демократии и открыли возможности для возникновения новых, соответствующих современным реалиям форм политической самоорганизации и гражданского действия.

Приведу фрагмент одного из недавних интервью, в котором П. Розанваллон возвращается к этому вопросу:

«ММС: Беспокоит ли Вас жесткая критика со стороны определенных кругов французских интеллектуалов, которые отводят Вам роль "пособника" в узаконивании капитализма? Согласны ли Вы, что по отношению к резкости подобных суждений интеллектуал должен обладать особой толстокожестью?»

PR: Действительно, очень важно, как Вы говорите, обладать толстокожестью. Я думаю, что замечания, о которых Вы упомянули, относятся к тем или иным видам идеологической критики. Совершенно нормально, что любой человек может высказать идеологическую критику по той или иной заявленной позиции. В то же время интеллектуальная деятельность не есть деятельность, которая осуществляется в регистре идеологии. Интеллектуальная деятельность — это, прежде всего, деятельность, которая стремится создавать знания и возможности для понимания. Интеллектуальный труд нельзя судить в идеологических терминах, его следует оценивать в зависимости от того, помогает ли он или не помогает лучше понимать современные вопросы. Дело не в том, чтобы мерить работу в идеологических или политических категориях, но в том, чтобы оценить, насколько она способствует познанию и созданию новых концептов, иными словами, обогащению нашего

¹³ Rosanvallon P. La Fondation Saint-Simon, une histoire accomplie *f/ Le Monde*, 23 juin 1999.

интеллектуального инструментария. Интеллектуал — это тот, кто поставляет данные и создает инструментарий. Я могу поддерживать настоящий диалог даже с теми, кто не разделяет моих концепций — лишь бы дискуссия относилась к этим данным и к этому инструментарии»¹⁴.

* * *

Чтобы дать представление о сфере теоретических интересов Пьера Розанваллона, приведу краткую справку с его интернет-страницы на официальном сайте Коллеж де Франс:

«...Его работы по истории политики и политической философии были ориентированы в трех направлениях.

Во-первых, интеллектуальная история демократии в длительной перспективе ("Коронация гражданина. История всеобщего избирательного права во Франции", 1992; "Необнаружимый народ. История демократического представительства во Франции", 1998; "Незавершенная демократия. История народного суверенитета во Франции"; 2000).

Во-вторых, история французской политической модели и отношений между государством и обществом («Момент Гизо», 1985; «Государство во Франции с 1789 г. до наших дней», 1990; «Французская политическая модель. Гражданское общество против якобинизма с 1789 г. до наших дней», 2004.)

Наконец, несколько его книг посвящены проблемам социальной справедливости в современном мире («Кризис государства всеобщего благосостояния», 1981; «Новый социальный вопрос. Переосмысление государства всеобщего благосостояния», 1995; «Новая эпоха неравенства», в сотрудничестве с Ж.П. Фитусси, 1996).

Его текущие работы посвящены трансформациям современной демократии в сравнительной перспективе по отношению к западным пространствам»¹⁵.

О текущих исследовательских интересах Пьера Розанваллона можно судить по двум последним его книгам: «Французская политическая модель. Гражданское общество против якобинизма с 1789 г. до наших дней» (2004)¹⁶ и «Контр-демократия. Политика в эпоху не-

¹⁴ Entretien avec le Professeur Pierre Rosanvallon du Collège de France (Propos recueillis par Mohamed Chafik Mesbah) // Le Soir d'Algerie, 30 novembre, 2006 (см. на сайте: <http://www.college-de-france.fr>)

¹⁵ http://www.college-de-france.fr/default/EN/all/his_pol/p999005417977.htm

доверия» (2006)¹⁷. Они хорошо иллюстрируют общую магистральную направленность его творчества на протяжении многих лет, во многом возвращаясь к темам, заявленным уже в первых книгах Розанваллона, в том числе в «Утопическом капитализме», — но с более глубоких теоретических позиций, выработанных благодаря всем предыдущим исследованиям автора. Скажем о них несколько слов. Первая книга посвящена истории французской модели демократии, начиная с Французской революции. В современных демократиях существует принципиально двойственный и противоречивый запрос по отношению к власти. С одной стороны, это — стремление к плюрализму и децентрализации, с другой — запрос на некую способную выразить общую волю централизованную инстанцию власти, которая могла бы эффективно управлять и объединять граждан в единое политическое сообщество. Розанваллон рассматривает историю французской политической модели как образцовую лабораторию, в которой находит отражение эта главная трудность современных демократий — напряжение между индивидом и «общей волей», между государством и разного рода объединениями и союзами граждан, опосредующими отношения между государством и частным лицом. Начиная с Алексиса де Токвиля, историю французской политической модели было принято рассматривать со стороны институтов государства, которое, будучи мощной централизованной силой, претендовало на протяжении всей современной истории Франции на статус выразителя народного суверенитета. В книге «Старый порядок и революция» Токвиль выдвинул тезис, согласно которому якобинская модель сильной централизованной политической власти, объединяющей граждан в единое политическое тело, не была изобретена Революцией, но стала лишь продолжением политики централизации государственной власти, активно осуществлявшейся королевской администрацией еще во Франции периода *Ancien Régime*. Со временем этот тезис стал считаться чем-то почти само собой разумеющимся, а «якобинская модель» демократии — характерной для французской политической культуры на протяжении всей современной политической истории Франции.

¹⁶ *Rosanvallon P.* Le modele politique francais. La societe civile contre le jacobinisme de 1789 a nos jours, Edition du Seuil, Paris, 2004 (в только что вышедшем английском переводе: *The Demands of Liberty: Civil Society in France since the Revolution.* Harvard University Press, 2007).

¹⁷ *Rosanvallon P.* La contre-democratie. La politique a l'age de la defiance. Edition du Seuil, Paris, 2006.

Пьер Розанваллон переворачивает этот ставший классическим тезис и показывает, что у французской политической истории есть обратная сторона, гораздо менее хорошо изученная, — сторона сопротивления якобинской модели. Он подробно прослеживает эту параллельную историю обратной стороны французской демократии, историю гражданской активности французов в рамках разного рода гражданских объединений и ассоциаций — инстанций, опосредующих отношения между центральной государственной властью и гражданином. Постоянные апелляции французов к якобинской модели означают лишь ее внешнюю и формальную идеологическую победу, за которой в реальности скрывается огромный пласт практической активности граждан, оспаривающей и уравнивающей притязания государства. Историю именно этого малоизученного, во многом просто незамеченного, но в то же время имеющего фундаментальную значимость пласта французской политической культуры и предлагает читателю книга П. Розанваллона.

Вторая книга, «Контр-демократия. Политика в эпоху недоверия», является во многом теоретическим развитием первой. В ней Пьер Розанваллон пытается предложить концептуальный аппарат, позволяющий лучше понять природу проблем, связанных с одной из главных трудностей современных демократий — кризисом института представительства. Как подчеркивает Розанваллон, можно выделить два разных вида гражданской активности. Первый выражается в приходе граждан к избирательным урнам в момент выборов представительных ветвей власти; второй — в манифестациях, создании разного рода союзов и объединений, в публичных дебатах и критике, создании форумов и информационной активности в Интернете. Сферу первой, «выборно-представительной», активности Розанваллон обозначает как сферу гражданского доверия. Именно здесь граждане делегируют полномочия своим представителям, именно здесь демократическая государственная власть получает свою легитимность. Сферу второй — как сферу гражданского недоверия. Эта сфера, в гораздо меньшей степени институционализированная, является в то же время элементом, необходимым для нормального функционирования демократических систем.

Пьер Розанваллон называет это пространство сферой «контрдемократии». «Контр» здесь не означает «против»; речь идет, скорее, о механизмах, уравнивающих и нейтрализующих дисфункции демократии, связанные с самой природой института представительства. «Контр-демократия» есть стабилизирующий

элемент функционирующей демократии — подобно тому как контргайка осуществляет фиксацию механической конструкции или детали.

Если сфера электоральной активности, сфера гражданского доверия, является традиционным объектом исследовательского внимания в политологии, то сфера «контр-демократии», сфера недоверия, в течение долгого времени оставалась незамеченным политическим континентом. В книге Розанваллона предложен анализ этой сферы как в исторической перспективе, так и в различных современных демократиях.

Либеральный тип гражданского недоверия опирается на конституцию, на институциональные правила, которые должны ограничивать власть и защищать индивидуальные свободы граждан от ее возможных посягательств. Но гражданское недоверие может быть также средством следить за тем, чтобы власть не уклонялась от служения общему благу. Этот тип гражданского недоверия можно обозначить как республиканский. Он осуществляется через средства массовой информации, разного рода объединения, неправительственные организации, группы граждан.

Именно эта республиканская форма контрдемократии находится в центре исследовательского внимания П. Розанваллона. Автор выделяет три ее основных функции и три основных типа ее осуществления. Первая — это надзор, разного рода формы «гражданской бдительности». Тема гражданской бдительности занимает важное место в республиканской традиции, начиная с эпохи Просвещения и Французской революции. Она проявляется в постоянном внимании граждан к действиям власти, в разоблачении скандалов и злоупотреблений, в оценке политики властей независимыми инстанциями. Демократия вовсе не ограничивается выборами, и пространство общего блага конструируется каждый день, следовательно, существует постоянная опасность коррупции демократического процесса. Отсюда — необходимость гражданской бдительности. Этот тип контрдемократии проявляется в дебате между государством и гражданским обществом.

Второй тип контрдемократии связан с критической функцией, задача которой — указывать на отклонения власти от требований республиканского идеала, а также с функцией воспрепятствования угнетению. Практики сопротивления, гражданского неповиновения, диссидентства, относящиеся к этой группе, должны напоминать о том, что демократию не следует рассматривать как просто «наименьшее из зол»; идеал политического сообщества — организация общего блага.

Третья функция гражданской контрдемократии — экспертное и аргументированное оценивание тех или иных проектов и действий власти (так, например, неправительственные организации, особенно в сфере экологии, с помощью юридических процедур нередко останавливают правительственные проекты, сформулированные в терминах государственных интересов).

Однако у контрдемократии есть также и свои формы патологии. Позитивным (республиканским, политическим) формам гражданского недоверия Пьер Розанваллон противопоставляет негативные. Так, чрезмерно гипертрофированное недоверие блокирует всякую возможность политического действия. Оно ведет к тому, что гражданин превращается в потребителя, рассматривает власть как внешнюю по отношению к сообществу, стигматизирует ее, вместо того чтобы следить за ней, воздействовать на нее и исправлять. Оно также ведет к фрагментации политического сообщества на несвязанные друг с другом микросистемы, т. е. к утрате «общего мира» — основы гражданского республиканизма.

Хорошим примером этого последнего феномена, с точки зрения П. Розанваллона, может служить Интернет. В Интернете присутствует максимум демократии, поскольку каждый может здесь взять слово, выразить свое мнение, высказать все, что хочет. Но в то же время это означает предельный минимум или даже полное исчезновение политики, поскольку здесь нет связности, нет механизмов создания общего мира.

Другой патологией республиканского недоверия является популизм. В частности, популизм выражается в претензии на способность разрешить внутренние трудности принципа представительства через воссоздание единства и цельности народа с помощью воображаемой дистанции между «народом» и всем, что ему якобы противостоит, — иностранцами, чужаками, врагами, олигархами, элитами. Популизм, пишет Розанваллон, «утверждает себя, углубляя этот разрыв посредством все более яростного обличения и обвинения того, что объявляется суггностно внешним по отношению к "народу". Популизм бичует дистанцию и одновременно акцентирует ее в моральной плоскости (оппозиция по отношению к "развращенным", "продажным", "коррупцированным"), в социальной плоскости (обличение "элит", воплощающих социальный изоляционизм) или даже в плоскости этнической ("граждане коренной национальности"). Таким образом прославляется некий единый и священный народ, без каких бы то ни было внутренних различий и делений, явленный отныне лишь самому себе. Здесь, следовательно, *in fine* формулируется субстанциалистская концеп-

ция социального, в попытке найти лекарство против дисфункции представительства. Но популистская риторика обрушивается и на сам принцип представительства как процедуры. Конфискации власти кучкой профессионалов противопоставляются добродетели призыва к народу и прямого выражения его воли».

Популизм, таким образом, представляет собой, с точки зрения Пьера Розанваллона, патологическую, выродившуюся форму гражданского недоверия. Его утопической целью является полное устранение политики.

Подводя итог, мы можем сказать, что «Контр-демократия. Политика в эпоху недоверия» представляет собой серьезный вклад в теорию демократии. Как показывает Розанваллон, демократия, есть нечто гораздо более широкое, нежели просто выборные институты представительства. Ее составной структурирующей частью является специфическая дополнительная конфигурация практик и разного рода механизмов, которые Розанваллон систематизирует и делает видимыми через концепт контрдемократии.

Между «Утопическим капитализмом» и книгой «Контр-демократия. Политика в эпоху недоверия» — дистанция в 27 лет. Тем не менее их связывает общая проблематика, в явной или неявной форме проходящая через все творчество Розанваллона. Последняя его книга вновь возвращает нас к теме неустраимости сферы политического в современных демократиях, заявленной в «Утопическом капитализме». Но здесь эта тема подвергается глубокой теоретической разработке, в то время как в «Утопическом капитализме» этот тезис, будучи главной направляющей идеей книги, в то же время остается как бы «за кадром», позволяя автору на протяжении всей книги сохранять критическую дистанцию по отношению к главной утопии экономического либерализма — утопии гармоничного, саморегулирующегося, прозрачного для самого себя рыночного общества. Тема неустраимости политического служит как бы призмой, через которую Пьер Розанваллон в «Утопическом капитализме» прочитывает всю историю политической и экономической мысли нескольких последних столетий. Прочитывает, мобилизуя огромную эрудицию, с предельной тщательностью и страстной заинтересованностью, основанной на убеждении в том, что точная и строгая мысль помогает людям лучше осознать свое положение и открывает дорогу реалистическому политическому действию.